

В.Л. Некрасов

**Н.К. Байбаков: личный фактор в годы руководства
Н.С. Хрущева (1955–1957 гг.)***

В тени историографии «великого десятилетия», традиционно тяготеющей к крупным политическим личностям и социально-экономическим проблемам, осталась деятельность председателя Госплана СССР Николая Константиновича Байбакова. Государственная деятельность Байбакова в качестве председателя Госплана СССР (май 1955 – май 1957 гг.) происходила в политически нестабильное время. Вторая половина 1955 г. – первая половина 1957 г. – это период в политической истории «великого десятилетия», обозначенный в историографии, как «период борьбы Хрущева за единоличную власть»¹.

Обратиться к исследованию личности Байбакова заставляет еще одно существенное обстоятельство: Байбаков на пост председателя Госплана СССР был выдвинут Н.С. Хрущевым, и таким образом, он неразрывно связан с процессом формирования Хрущева как единоличного лидера и проводимой им политикой по расстановке своих выдвиженцев на ключевых постах в государственном и партийном руководстве СССР в 1955–1957 гг.

В этой связи требуется определение мотивов выдвижения Байбакова на пост председателя Госплана СССР, его положения в высшем политическом руководстве, анализ взаимоотношений с Хрущевым, оценку его государственной деятельности, определение причин освобождения от обязанностей председателя Госплана СССР.

Байбаков относился к так называемым «сталинским наркомам» – группе руководителей отраслями экономики, выдвинутых на руководящие должности в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов, стремительному карьерному росту которых способствовали экстремальные условия этого периода – политические репрессии 1937–1938 гг. и Великая Отечественная война. В послевоенный период они составили ядро министерского корпуса².

В возрасте 29 лет Байбаков был назначен заместителем наркома нефтяной промышленности СССР, а начиная с 1944 г. возглавлял союзные наркоматы (министерства) нефтяной промышленности. В годы Великой Отечественной войны руководил эвакуацией и ликвидацией предприятий нефтяной промышленности, снабжением фронта и промышленности нефтепродуктами. Руководил восстановлением разрушенной нефтяной промышленности³.

Некрасов Вячеслав Лазаревич, к.и.н., Сургутский государственный педагогический университет. Эл. почта: katon1981@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 10-01-00572м/Мл.

¹ Zubkova E. Rivalry with Malenkov // Nikita Khrushchev. New Haven – L., 2000.

² Хлусов М.И. Развитие советской индустрии (1946–1958 гг.). М., 1977. С. 29–30.

³ Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители 1923–1991. Историко-биографический справочник. М., 1999. С. 211.

Каковы мотивы назначения Байбакова на пост председателя Госплана СССР? Сам Байбаков свидетельствует, что это назначение было для него полной неожиданностью, и вообще, сомневался в своих знаниях и способности справиться «с планирование народного хозяйства страны». Г.И. Ханин критически оценивает назначение Байбакова на пост председателя Госплана СССР¹. М.В. Славкина подчеркивает, что назначение Байбакова на должность председателя Госплана СССР – «по номенклатуре тех лет это был резкий должностной взлет: из министерских пешек – в дамки»². К.А. Залесский также указывает, что Байбаков «был назначен на один из важнейших постов в стране – председателя Госплана СССР»³.

Однако, как критически, так и восторженно настроенные к Байбакову исследователи игнорируют политические и институциональные условия функционирования Госплана СССР в 1955–1957 гг., и, тем самым, их точки зрения страдают известной односторонностью.

Назначение Байбакова, безусловно, связано с произошедшими в феврале – мае 1955 г. перестановками в высшем политическом руководстве и реорганизацией Госплана СССР.

Отставка в феврале 1955 г. Г.М. Маленкова с должности председателя Совета Министров СССР и назначение председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганина, с которым у Хрущева существовали доверительные отношения, усилило позиции последнего, и давало ему возможность более решительно действовать в расстановке своих ставленников в государственном аппарате. По свидетельству Д.Т. Шепилова, «Хрущев без особого стеснения говорил, что нужно убрать «маленковских людей» и всюду расставить «свои кадры»⁴.

В советской политической и экономической системе Госплан СССР был одним из ключевых органов государственной власти, отвечавший за подготовку государственных народнохозяйственных планов, координировавший деятельность различных ведомств, контролирующий и отстаивающий «общегосударственные интересы» в борьбе с «ведомственным эгоизмом». В конце 1940-х – первой половине 1950-х годов председатель Госплана СССР обязательно занимал должность заместителя (первого заместителя) председателя Совета Министров СССР, входил в кандидатский либо полноправный состав Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. Иными словами, председатель Госплана СССР занимал высокое положение в советской партийно-государственной иерархии. И, следует отметить, что члены Президиума ЦК внимательно следили за тем, кого назначали на пост председателя Госплана СССР и очень ревностно относились к тому, если на этот пост назначался человек в обход более заслуженных и влиятельных руководителей партии и правительства⁵.

¹ Ханин Г.И. Экономическая история в новейшее время. Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 142.

² Славкина М.В. Байбаков. М., 2010. С. 88.

³ Залесский К.А. Империя Сталина. Библиографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 43.

⁴ Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 297.

⁵ Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 346; Шепилов Д.Т. Непримкнувший. С. 296–297.

В мае 1955 г. Госплан СССР был разделен на два органа – Государственную плановую комиссию Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства СССР (Госплан СССР) и Государственную экономическую комиссию Совета Министров СССР по текущему планированию народного хозяйства (Госэкономкомиссию СССР). Председателем Госэкономкомиссии был назначен М.З. Сабуров, возглавлявший Госплан СССР в 1941–1942 гг., 1949–1953 гг. и 1953–1955 гг. Данная реорганизация выдвинула проблему назначения председателя Госплана СССР.

С.Н. Хрущев объясняет назначение Байбакова тем, что по замыслу Хрущева Госпланом СССР «должен руководить человек неординарный, не зашоренный, не погрязший в рутине. От того, как новый начальник нового Госплана поставит дело, зависело будущее страны. Выбор пал на ... Байбакова, человека, не отягощенного госплановским «опытом» бесконечного балансирования и показавшего себя во время войны способным к нетривиальным поступкам»¹. В то же время нельзя исключать, что Байбаков был выдвинут по совету Л.М. Кагановича, хорошо знавшего Байбакова еще со времени работы в Наркомате нефтяной промышленности СССР².

Но Хрущев рассматривал Байбакова не как крупную самостоятельную политическую личность, а как «технического» председателя Госплана СССР – опытного, без амбиций, хозяйственника-управленца, разработчика проекта плана шестой пятилетки и исполнителя своих идей по модернизации и реформированию экономики.

Во второй половине 1955 – первой половине 1957 гг., в сложившей конфигурации политических и экономических институтов именно Госэкономкомиссия была ведущим государственным плановым органом³, получившая в декабре 1956 г. функции оперативного решения текущих вопросов, связанных с выполнением государственного плана, и ответственность за обеспечение предусмотренных в плане заданий необходимыми материальными ресурсами⁴.

Ведущее положение Госэкономкомиссии закреплялось более высоким положением ее председателя в руководстве страны. Председатель Госэкономкомиссии был первым заместителем председателя Совета Министров СССР, полноправным членом Президиума ЦК, Президиума Совета Министров СССР и Комиссии Президиума Совета Министров СССР по текущим делам. Во время отсутствия председателя Совета Министров СССР председательствовал в Президиуме Совета Министров СССР и Комиссии Президиума Совета Министров СССР по текущим делам⁵. Иными словами, председатель Госэкономкомиссии полностью унаследовал статус председателя «старого» Госплана СССР. Председатель Госплана Байбаков, обладая большим опытом административно-хозяйственной работы, был только «рядовым» членом ЦК КПСС, и, тем самым был лишен возможности оказывать политическое влияние на многие вопросы

¹ Хрущев С.Н. Никита Хрущев. Реформатор. М., 2010. С. 214, 215.

² Каганович Л.М. Памятные записки. М., 2003. С. 493–494.

³ Зембатова Б.В. Планирование: простые и сложные истины. М., 1990. С. 103.

⁴ Правда. 1956. 25 декабря. № 360.

⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. М., 2006. С. 103–104.

развития народного хозяйства, особенно если они формально выходили за рамки компетенции Госплана.

В высших эшелонах власти существовала своя иерархия руководителей, основанная на стаже, прошлых заслугах, широте и прочности деловых и дружеских отношений с членами высшего политического руководства, близости к политическим лидерам. Данное обстоятельство необходимо принимать во внимание, при оценке положения Байбакова в высшем политическом руководстве.

Позиции Байбакова не были сильными и с точки зрения его неформальных отношений в высшем политическом руководстве. Можно констатировать, что у Байбакова отсутствовали прочные дружеские или доверительные отношения в Президиуме ЦК и Президиуме Совета Министров СССР, и его позиции полностью определялись доверием Хрущева. В 1955–1957 гг. У Байбакова, по всей видимости, сложились доверительные отношения с кандидатом в члены Президиум ЦК, министром обороны СССР Г.К. Жуковым, однако, они не выходили за пределы профессиональных вопросов¹. Единственный член Президиума ЦК, который лично знал Байбакова, был Каганович, под руководством которого в 1939–1940 гг. он работал в Наркомате нефтяной промышленности СССР. Однако, по всей видимости, после конфликта в январе 1956 г. из-за программы реконструкции железнодорожного транспорта, Байбаков не мог рассчитывать на поддержку Кагановича². Впрочем, влияние самого «железного наркома» в Президиуме ЦК в 1956–1957 гг., безусловно, ослабевало.

Таким образом, положение Байбакова в партийно-государственной иерархии определялось его репутацией талантливого хозяйственника и администратора, поскольку иными заслугами и возможностями он в тот период не обладал.

Байбаков, рисуя в своих мемуарах не самый привлекательный образ Хрущева, тем не менее, положительно оценивает политические и экономические инициативы Хрущева, реализованные в 1955–1956 гг. – критика культа личности Сталина на XX съезде КПСС, разработка программы реконструкции железнодорожного транспорта, развитие газовой промышленности, что позволяет утверждать, что в течение 1955–1956 гг. между Байбаковым и Хрущевым складывались доверительные отношения. И, несмотря на периодическую критику деятельности Госплана, отсутствия «смелости» в разработке проекта плана шестой пятилетки, из-за плохой, «а иногда просто бюрократической работы»³, у Хрущева, по всей видимости, не было мотивов освободить Байбакова от должности председателя Госплана. На декабрьском 1956 г. пленуме ЦК критике

¹ Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 606.

² Некрасов В.Л., Хромов Е.А. Н.С. Хрущев и «новая» энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 123–124.

³ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы. Кн. 2. М., 2009. С. 317–318, 329, 330.

подвергались работа Госплана и Госэкономкомиссии, но Байбакову в отличие от Сабурова, простили провалы в планировании и выполнении плана 1956 г.¹

По всей видимости, неудачи в планировании выступили серьезным ограничением в продвижении Хрущевым в 1956–1957 гг. Байбакова в партийно-государственной иерархии. По свидетельству С.Н. Хрущева, в мае 1957 г. Н.С. Хрущев решил «расстаться» с Байбаковым, потому что, «за прошедшие полгода дела с пятилеткой не поправились, а только еще более запутались»². Хотя в последующем основная критика со стороны Хрущева и его окружения за провалы в планировании шестой пятилетки обрушилась на Первухина и Сабурова.

Камнем преткновения между Байбаковым и Хрущевым стала реформа управления промышленностью и строительством 1957 г. Обсуждение реформы управления 1957 г. было крайне непростым, более того, дискуссия вокруг реформы выступила катализатором противостояния в высшем политическом руководстве.

Реформа управления, которую задумал Хрущев в декабре 1956 – январе 1957 г., предусматривала децентрализацию управления отраслями промышленности и строительного комплекса, ломку ведомственных барьеров, повышение роли партийных и советских органов власти в руководстве народным хозяйством. Для этого Хрущев предлагал перейти от управления через отраслевые министерства и ведомства к управлению через совнархозы. Реформа управления 1957 г., аккумулировавшая общественно-экономические ожидания и противоречия, рассматривалась ее инициаторами и разработчиками как эффективный инструмент устранения основных пороков централизованной экономики.

В конце 1980-х – 1990-е годов Байбаков неоднократно подчеркивал, что он к идее Хрущева ликвидировать министерства и создать совнархозы относился отрицательно. В конце 1990-х – начале 2000-х годов Байбаков смягчил свою оценку реформы 1957 г.,³ но архивные документы подтверждают, что он принадлежал к той части министерского корпуса, которая критически восприняла реформу управления 1957 г., «мягко говоря» скептически к ней отнеслась и осталась приверженной «отраслевому принципу» руководства экономикой. В своих мемуарах Байбаков утверждает, что с ликвидацией министерств и созданием совнархозов в 1957 г. «был нанесен стране, ее экономике первый, тяжелый удар».

В новейшей публицистической литературе сформирован образ Байбакова как прагматичного, принципиального руководителя, «провидца» в разработке проекта реформы, предвидевшего и предсказавшего все трудности управления экономикой через совнархозы. И этот образ противопоставляется Хрущеву как политику волюнтаристского типа, не способного оценить конструктивные предложения⁴. Однако

¹ Хрущев С.Н. Два цвета времени. С. 367; Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С. 140, 141.

² Хрущев С.Н. Два цвета времени. С. 398.

³ Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. М., 2000. С. 94.

⁴ Славкина М.В. Байбаков. С. 94–97.

это преувеличение, высказанное скорее чрезмерными симпатиями к личности Байбакова, и игнорированием политических и институциональных реалий разработки и обсуждения реформы управления 1957 г.

Байбаков был министром сталинского толка, для которого единственной правильной системой управления экономикой выступала ведомственная, отраслевая система управления. И тем самым разногласия между Байбаковым и Хрущевым носили идеологический, ценностный характер. Байбаков как «ведомственник» привык «руководить через министерства, не считаясь с мнением республик, областей»¹.

Реформа означала ликвидацию отраслевой системы управления нефтяной и газовой промышленности, которую Байбаков создавал в течение одиннадцати лет. Байбакова, как «коренного» нефтяника беспокоила судьба министерств нефтегазового комплекса. В этом контексте он выступил как неформальный лидер «нефтегазового лобби» – группы руководителей нефтегазового комплекса, предпринявших попытку добиться принятия решения о нецелесообразности ликвидации их министерств и передачи предприятий совнархозам. О том, что отраслевые лобби выступали серьезным фактором при разработке реформы, свидетельствуют высокопоставленные министерские работники².

В то же время неправомерно связывать Байбакова с «антипартийной группой», вставшую на непримиримые позиции, как по отношению к реформе, так и ее инициатору Хрущеву, поскольку реальные факты, подтверждающие эту точку зрения, неизвестны³.

Сопоставление аргументации Байбакова с позицией других участников обсуждения реформы, и в частности членов Комиссии по реорганизации управления промышленностью и строительством позволяют утверждать, что Байбаков относился к той группе министров (М.Г. Первухин, А.Н. Косыгин, С.М. Тихомиров, Ф.Г. Логинов), которая, не отрицая основополагающие принципы реформы, настаивала на постепенном реализации реформы и сохранении централизованного управления для ряда отраслей тяжелой промышленности⁴. Централизованное управление должно было осуществляться либо через министерства, которые будут обязаны «перебазировать ряд главных управлений на места производства»⁵, либо через Высший совет народного хозяйства по тяжелой промышленности⁶. Особенностью риторики этой группы министров выступало мнение, что ликвидация министерств приведет к потере управления отраслями, устойчивости экономики, единой технической политики⁷. Иными словами, для этой группы были характерны технократический,

¹ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. С. 74.

² Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 108.

³ Залесский К.А. Империя Сталина. С. 43.

⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2003. С. 221, 226, 227.

⁵ РГАНИ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 214 Л. 139.

⁶ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 236–239.

⁷ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. С. 73–74; Павлов Д.В. Воспоминания // Ветеран. 1989. № 16. С. 11.

лишенный политических мотивов, подход, заключающийся в целесообразности сохранения, насколько это было возможно, отраслевых механизмов в новой системе управления промышленностью и строительством. Однако, в условиях 1957 г. сохранение централизованного управления отраслями тяжелой промышленности выходило за рамки варианта, предлагаемой Хрущевым реформы. Его реализация могла привести к сохранению «управления промышленностью и строительства по отраслевому принципу». Фактически эти предложения представляли собой консервативный вариант реализации реформы, в котором ее основная идея деформировалась в пользу сохранения отраслевого принципа управления, сроки реализации увеличивались, и в целом повышались риски претворения ее в жизнь.

Байбаков связывал освобождение его от обязанностей председателя Госплана СССР и назначение на пост председателя Госплана РСФСР со своей критической позиции в отношении совнархозов, и конфликтом с Хрущевым ¹.

Однако причину отставки Байбакова следует рассматривать, во-первых, в контексте реорганизации плановых органов, осуществленной в результате принятия закона «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительства». Во-вторых, с учетом политики Хрущева по расстановке своих выдвиженцев на ключевых постах в высшем политическом руководстве.

В результате принятия закона Госэкономкомиссия упразднялась. Государственная плановая комиссия Совета Министров СССР по перспективному планированию преобразовывалась в Государственный плановый комитет Совета Министров СССР. Председатель Госэкономкомиссии Первухин был назначен руководителем Министерства среднего машиностроения СССР. Поэтому с формальной точки зрения Байбаков и Первухин утратили свои должности в связи либо с реорганизацией, либо с ликвидацией, возглавляемых ими органов власти.

Очевидно, Хрущеву на посту председателя Госплана СССР требовался единомышленник, а не оппонент. Среди кандидатов на пост председателя Госплана СССР в мае 1957 г. Байбаков имел минимальные шансы, поскольку каким-либо политическим влиянием он не обладал, и в тот период доверие к нему со стороны Хрущева ослабло. Под этот критерий не подпадал и Первухин, тяготевший к «старым» членам Президиума ЦК. Возможным кандидатом на пост председателя Госплана СССР мог выступить Косыгин, занимавший в декабре 1956 – мае 1957 гг. должность первого заместителя Госэкономкомиссии, лояльно относящийся к Хрущеву. Однако назначение Косыгина не суждено было осуществиться, и одной из причин могло послужить его неодобрительное отношение к созданию совнархозов.

Председателем Госплана СССР, по инициативе Хрущева утверждается заведующий отделом машиностроения ЦК КПСС И.И. Кузьмин, который завоевал доверие Хрущева, поддерживая его идею по реформированию управления промышленностью и строительством. Очевидно, что в условиях «коренной перестройки управления промышленностью», и борьбы за политическое

¹ Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. С. 611.

лидерство Хрущев стремился поставить под свой контроль «мозговой центр экономической жизни страны».

Назначение Байбакова на пост председателя Госплана РСФСР полностью соответствовала новым политическим и экономическим реалиям, наступившим после ликвидации министерств и создания совнархозов, практике назначения бывших министров, его компетенциям как хозяйственника-управленца.

Таким образом, при оценке государственной деятельности Байбакова в 1955–1957 гг. необходимо исходить из реалистичного понимания функционирования политических и институциональных механизмов советской системы в данный период. Позиции Байбакова в высшем политическом руководстве в полной мере определялись его компетенциями опытного хозяйственника-управленца и ограничивались кругом задач, поставленных Хрущевым. Байбаков был типичным министром сталинского типа, и его прагматизм не выходил за пределы опыта отраслевого управления экономикой. На определенном этапе он оказался востребован Хрущевым как опытный хозяйственник-управленец, однако, в дальнейшем под влиянием политической конъюнктуры ему не нашлось места в команде нового лидера.